

Б.З. ДОКТОРОВ: «МНЕ НАИБОЛЕЕ ИНТЕРЕСНЫ МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ И САМ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ...»

Борис Зусманович Докторов, российский социолог, с 1994 года в живущий США, начал в 2004 году на страницах «Телескопа» чрезвычайно важное дело, требующее продолжения и развития. Он подхватил эстафету Геннадия Батыгина, чья книга о социологии 1960-х годов [1] может быть символически названа «В круге первом». Инициативу Докторова я назову «В круге втором». Связь этих «кругов» – поколенческая. В батыгинской книге представлено поколение шестидесятников, в «Телескопе», благодаря неукротимой энергии Бориса, зазвучали голоса представителей разных поколений советских, а теперь уже российских социологов. Они осмыслиют не столько зарождение социологии в послесталинское время, сколько свою жизнь, прошедшую под знаком социологии. В итоге окажется возможным проследить судьбы людей, а вместе с ними коллективную судьбу науки, увидеть ее такой, какой она оказалась в обстоятельствах XX века.

А теперь «в порядке очереди», так говорили в советское время, «Телескоп» дает слово тому, кто разворочил «социологический муравейник», разговорил «молчунов» и приподнял завесу над событиями их личной жизни и профессиональной карьеры как части истории нашей многострадальной науки. Замечу, что настоящее интервью Бориса Докторова во многом дополняет рассказанное им «Социологическому журналу» [2].

Борис Фирсов

1. Оконтуривание «круга второго»

Борис, в какой мере твои историко-социологические опыты над нами, твоими респондентами, продолжают рефлексию движения нашей науки в историческое время, начатую Г. Батыгиным? Историй нашей социологии множество, какую из них ты стремишься воссоздать?

Геннадий Семенович Батыгин много раньше других осознал, что прошлое советской социологии нельзя понять, не обратившись к людям, формировавшим ее основы. Их рассказам о себе и о событиях, в которых они участвовали, он придал статус свидетельских показаний о былом. Книга увидела в свет в 1999 году, когда я уже жил в Америке. Мы виделись с ним несколько раз после выхода книги, переписывались, но эту его работу не обсуждали. Я не предполагал, что через несколько лет сам займусь этой темой, и уж никак не думал, что Геннадия вскоре не станет.

Сейчас, интервьюируя наших коллег и размышляя над их ответами, я вспоминаю не только книгу Батыгина, но и однодневный семинар, организованный им в марте 1994 года. То была встреча ветеранов социологического движения, мы ездили на нее с тобою, я – «по плату», в качестве наблюдателя. Оставался месяц до моего отъезда в Америку, и мне хотелось увидеть всех классиков нашей социологии. Помню грустный тон тех выступлений. Говорилось о личностном,

наболевшем, о том, что, по мнению выступавших, должно присутствовать в истории нашей науки. Потому, безусловно, мои интервью и в рациональном, и в эмоциональном отношении – продолжение работы Батыгина.

В чем особенность твоего подхода по сути к той же вселенной людей, событий, фактов, обстоятельств?

Батыгина, как я понимаю, прежде всего интересовала судьба российской социологии, меня – судьбы российских социологов. Темы близкие, родственные, но все же различные. Соглашусь с твоей идеей двух кругов, но отмечу, что они не концентрические.

Принципиально различны наши методы опроса: у Геннадия это личное интервью, проводившееся либо им, либо его сотрудниками. Мои интервью – это многомесячный обмен вопросами-ответами по электронной почте. Это беседа коллег, давно знающих друг друга. Я и мои респонденты можем уточнять вопросы и ответы на них, возвращаться к старым темам, реагировать на неожиданные повороты в дискуссии. Мои интервью много более пространные, чем интервью Батыгина; все они не менее двух листов; это – интервью-мемуары.

Историческое исследование Батыгина было продолжением опыта его собственных многолетних методологических поисков и размышлений о социологии как науке, а также его практики редактирования «Социологических исследований» и «Социологического журнала». Отправным для моего обращения к истории российской социологии и интервьюированию коллег – это звучит парадоксально – стало изучение биографий первого поколения американских полстеров и анализ ряда ключевых моментов в истории становления опросов общественного мнения в Америке.

Еще один важный момент: интервью Батыгина, вошедшие в книгу, состоялись в 1990-х годах, мои – на десятилетие позже. За это время в российском обществе возникли новые «стандарты» открытости, доверительности, и, думаю, это проявляется в моих беседах. Наконец, отмечу еще один факт, детерминирующий атмосферу коммуникации: Батыгин находился рядом с большинством своих респондентов: встречался с ними в стенах Института социологии РАН, на заседаниях различных научных советов, редколлегий и т. д. Я уже двенадцать лет живу в Америке, и мои встречи с российскими коллегами носят редкий, эпизодический, для меня – праздничный характер. Все это откладывает отпечаток на форму и содержание моего общения с респондентами.

Повторюсь, историй нашей социологии множество, какую из них ты стремишься воссоздать?

Не вижу много историй, скорее их мало, особенно если говорить об изысканиях, построенных на анализе архивных материалов, документов, перепроцессинг советской классики. Пока я не думаю о том, какая из существующих тракто-

вок истории советской социологии мне ближе, этот вопрос актуализируется, когда моя коллекция интервью разрастается и я приступаю к их анализу. Сейчас я многое читаю, но хотелось бы искать, создавать «мою» историю, черты которой просматриваются в имеющихся интервью. Прекрасно понимаю, что эта история может оказаться излишне «субъективной», ведь у меня нет возможности для работы в архивах, для поисков новых документов. В целом, мне еще трудно увидеть границы моей работы, она лишь началась.

Можно ли сказать, что «круг второй» – это перипетии, выпавшие на долю социологов разных поколений во второй половине минувшего века?

Это абсолютно точно. Моими героями являются, прежде всего, социологи двух поколений: твое, родившееся на рубеже 1920–1930-х, и мое, родившееся в первой половине 1940-х годов. Первые уже приобрели свое поколенческое имя – «шестидесятники», вторых я пока называю по созвучию «шестидесятилетиными». Эти поколения многое роднит, в частности то, что основная часть наших жизней прошла именно во второй половине прошлого века. Очевидно, при изучении жизненного пути ученого личностный подход давит над поколенческим, и все же творчество социолога невозможно рассматривать вне судьбы его поколения.

Почему тебя потянуло в лабиринты судеб, биографий, жизненных историй твоих коллег по социологическому оружию?

Некую предрасположенность к движению в эту сторону я ощущал, но именно ты и Владимир Александрович Ядов подтолкнули меня к этому в конце 2004 года после опубликования в «Телескопе» моей статьи о Борисе Андреевиче Грушине [3]. Ты писал: «Так никто еще о нас не писал», а реакция Ядова содержала такие слова: «Я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии». Что мне оставалось после этого делать?

Более того, независимо от ваших реакций у Михаила Евгеньевича Илле возникла идея создания в «Телескопе» постоянной рубрики по современной истории российской социологии. Он предложил мне вести ее, и такое предложение показалось мне очень заманчивым.

Ты был моим первым респондентом. Закончив оформлять текст нашей беседы [4] отправив его Илле, я сразу же написал Якову Ильичу Гилинскому и предложил ему «поговорить». В Питере тогда был час ночи, а может быть и позже, но уже через миг я получил ответ: «Давай». Мы быстро сделали интервью, оно стало вторым материалом в складывавшейся рубрике. Мне хотелось побеседовать с Ядовым, но я боялся, что ему будет трудно писать. Однако я ошибся, он с удовольствием вспоминал и о многом написал. К настоящему моменту опубликованы также пространные интервью с Леонидом Евсеевичем Кесельманом, Еленой Эмильвной Смирновой и Романом Семеновичем Могилевским. «В ящиках моего письменного стола» есть завершенные, почти завершенные и только начатые интервью с известными российскими социологами.

Как ты отбираешь своих респондентов?

Вопрос следует сформулировать иначе: «Кого ты спрашиваешь?», ведь дело не только в том, с кем мне хотелось бы поговорить, но и в том, кто откликнется на предложение.

В поиске потенциальных «жертв» я руководствуюсь двумя критериями. Прежде всего, стараюсь обращаться к людям успешным, многие годы работающим в социологии и много сделавшим в своей области. Пока я интервьюировал лишь тех, кого давно знаю, с кем меня связывают давние дружеские связи. Во всех опубликованных интервью я обращаюсь к моим собеседникам на «ты», и это для меня крайне важно. И для читателя это определенный знак доверительности, открытости в общении. В ближайшее время будут завершены интервью с респондентами, с которыми я не настолько хо-

рошо лично знаком, но в любом случае это люди, известные в нашем профессиональном сообществе.

Второй критерий – «технологический», наличие у человека электронной почты и умение ею пользоваться. Конечно, данный критерий лишает меня возможности поговорить с рядом интересных специалистов, но я не могу ориентироваться на проведение личных интервью. К тому же существует ряд преимуществ электронного интервьюирования над традиционным – «под диктофон».

Большинство людей, к которым я обращаюсь, положительно относится к моей затее. Есть и отказы, их причины, как правило, – загруженность текущей работой или трудности в использовании электронной почты. Отношусь к этому спокойно. Во-первых, к большинству из этих людей я всегда могу обратиться снова. Во-вторых, я не ставлю перед собой задачу сбора большого массива биографий, максимум 20–25. Ведь поговорить с коллегами – лишь часть задуманной работы, предстоит еще проанализировать интервью и что-то сказать о судьбах российских социологов. В-третьих, я в принципе не могу одновременно вести большое число интервью, один из принципов моей работы – их быстрая публикация. Илле делает почти невозможное: уже более года в каждом выпуске «Телескопа» не менее двух печатных листов предоставлено моей исторической рубрике. Но оказывается, и этого мало. У меня есть договоренность с «Социологическим журналом» о публикации у них интервью, ищу и другие возможности, например, онлайн-публикации.

И в чем научная цель этой кропотливой собирательской работы? Можно ли сказать, что это попытка по-новому заниматься социологией социологии?

Не замахваюсь на принципиально новое для социологии социологии, все проще и конкретнее. Полагаю, что все истории российской социологии пишут главы одной очень важной и объемной книги о прошлом нашей науки, развивавшейся в моменты «социотрясений», не прекращавшихся в России/СССР на протяжении прошлого века. Если смогу написать хотя бы один параграф этого коллективного фолианта, то буду считать, что не зря работал.

2. В социологии мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь

Социологами рождаются или ими становятся? Социология – это призвание? профессия? способ мышления? взгляд на мир и общество?

Если не социологом (это относительно новая профессия), то социальным мыслителем, обществоведом надо родиться, тогда при благополучном стечении обстоятельств из человека может получиться сильный специалист. Говоря о рождении, я имею в виду раннюю социализацию. Одних с детства интересует механика мироздания, других – притягивает к себе механика общества, третьих – механика автомобиля.

Я не готовил себя к исследованию общества. В школьные, студенческие годы не участвовал во «внекухонных», «внезастольных» обсуждениях социальных, общественных проблем. Не помню, чтобы я искал какие-либо книги обществоведческой направленности или с нетерпением ожидал свежую газету, хотя художественную литературу, а позже – специальную читал активно и целеустремленно. Обучаясь в университете свыше восьми лет математике – студенческие годы и аспирантура – я интересовался разными областями этой науки и разными направлениями применения математической статистики. Много читал по общим проблемам кибернетики, биологии и генетики, меня интересовали некоторые вопросы физики, а также ее истории и философии, начинал знакомиться с основами психологии, но ни обществоведение, ни вопросы текущей политики в стране меня не занимали. Это явно не было моим.

Скажу однозначно, для меня социология – не призвание. Но некоторые направления социологии постепенно

стали сферами моей профессиональной деятельности. А сегодня социология, естественно, задает и мой взгляд на мир и общество.

По каким основаниям ты считаешь себя социологом?

Сначала ответу несколько метафорически. Много лет назад Батыгин говорил, что собственно социологические исследования включают лишь разработку методологии этой науки и написание ее истории. Все остальное – применение положений и методов социологии. Исходя из сказанного, я, конечно же, социолог, ибо долгие годы занимался анализом методолого-методических проблем этой науки, а в последнее время – ее историей.

От социологии ждут ответы на вопросы об устройстве и функционировании общества, но, чтобы найти эти ответы, социология должна обладать необходимым познавательным инструментарием и осознавать себя в качестве развивающейся и имеющей перспективу науки. Последнее возможно, если наука обладает прошлым, традициями, а ученые, работающие в ней, знают и ценят сделанное предыдущими поколениями. Мною опубликовано определенное количество работ, в которых анализируется отношение людей к социальным проблемам, но прежде всего круг моих научных интересов на протяжении почти четырех десятилетий включал различные инструментальные, методические проблемы, а в самые последние годы – комплекс историко-научно-исследовательских вопросов. Думаю, что сказанное позволяет мне самому числить себя по социологическому цеху.

Как уживаются, ладят Докторов-социолог и Докторов-человек?

Суть этого вопроса я вижу в том, чтобы попытаться оценить, как во мне соотносится профессиональное и личностное. Если совсем кратко, то с трудом, но пока уживаются. Серьезных конфликтов нет. Если более развернуто, то надо говорить об их взаимовлиянии, о длительном и явно не завершившемся процессе. Я долго, уже работая в должности социолога, считал себя математиком-прикладником, обработавшим социологическую информацию. Но к концу семидесятых начал осознавать себя частью социологического сообщества. И это чувство, видимо, настолько во мне окрепло, что в Америке, когда все прошлось начинать заново и рассматривался вариант возвращения в математику (например, работа программистом), я постарался снова встать на социологическую тропу. Сейчас я вижу, как мои интервью с российскими коллегами не оставляют меня «холодным», они многое меняют во мне самом.

Ты не любитель «высоких» тем, потому спрошу о более привычных вещах – о природе, специфике твоих интересов к теории, методологии и методам в процессе социологической деятельности. Чему ты отдавал предпочтение, конструируя самого себя как исследователя (теоретика, методолога, эмпирика)?

Я сам до конца этого не знаю. В отличие от тебя, Грушина, Здравомыслова, Ядова, большинства моих ровесников и младших по возрасту коллег я всегда шел от метода, а не от социальной проблемы. Мне повезло в том, что я сотрудничал с людьми, которым верил в профессиональном и гражданском отношении, и мне не надо было ломать себя; надо было просто честно помогать им. Меня долго удивляло то, что с помощью математики и жестких методов (опрос) можно получить что-то вменяемое, интерпретируемое о мире социальных отношений.

Все началось с бесед с ленинградским психологом Иосифом Марковичем Палесом, когда вдруг (для меня) обнаружилось, что факторный анализ, то есть некая трансформация корреляционной матрицы, позволяет строить содержательные модели психологических явлений. Тогда я был студентом 3–4 курса и смотрел на математику как на аксиоматическую науку, выводы которой имели жесткое логическое обоснование. Мне долго не верилось в интерпретируемость

математических схем. Происходило это еще и потому, что я не знал истории возникновения факторного анализа, видел в нем лишь итог «механического» перенесения математических методов в психологию личности. Я не задумывался о возникновении базовой идеи корреляционного анализа, и рассматривал коэффициент корреляции как некий математический конструкт, обладавший определенными формальными свойствами. Но когда я узнал, что корреляционный и факторный анализ возникли как продолжение дарвиновских воззрений на изменчивость живых организмов, и обнаружил, что создателями этих математических технологий были Гальтон, Пирсон и Спирмен – люди, решавшие реальные биолого-психологические проблемы, я поверил в интерпретируемость результатов математической обработки эмпирической информации. Этот вывод имел для меня расширительное значение, он не замыкался на методологии факторного анализа.

Затем мне открылась проблематика ложной (spurious) корреляции, корни которой восходят (или нисходят?) к опытам Менделя и в разработке которой участвовали классики генетики. Я и сейчас помню огромное интеллектуальное наслаждение, полученное при чтении тех довольно сложных математико-биологических текстов. Тогда же я начал открывать для себя философию и историю математики: ее развитие от понятия числа до абстрактных философских рассуждений о различных геометриях.

Я не очень рефлексировал по поводу того, что скрывалось за цифрами, которые мы получали в зондажах мнений ленинградцев, проводившихся в 1970-х годах: общественное мнение или иная фракция массового сознания. Мое позитивистское сознание удовлетворялось тем, что в цифрах, которые я приносил в начале моей социологической карьеры Здравомыслову, а позже – тебе, вы находили смысл, повод задумать, увидеть нечто знакомое и новое. Для меня то, что обнаруживалось, было общественным мнением, и я долго не мог понять до конца слов Игоря Семеновича Кона: «Борисы, что вы измеряете? Ведь общественного мнения нет».

Я думаю, что все дальнейшее, что мною делалось: попытка разобраться в природе надежности социологического измерения; стремление к обоснованию метрологического подхода к трактовке этой проблематики; эксперименты с технологией почтового опроса; поиски типологии социологических вопросов, а потом – опросов общественного мнения; наконец, работы по многомерной типологии разных срезов общественного сознания – было вызвано стремлением найти ответы на вопросы о феноменологии эмпирических методов. Что-то помогло мне сохранить то радостное ощущение, которое я испытал впервые при обнаружении интерпретируемости математических построений.

Каждый социолог в процессе своих поисков открывает нечто для себя и для других. Скажи, пожалуйста, твои открытия уже позади, или ты к ним еще движешься?

Для себя – точно нет, историко-научно-исследовательские проекты, которыми я занимаюсь: американский и российский еще лишь набирают силу. Иногда я чувствую дикую усталость, тащить все одному безумно тяжело. Однако когда мне открывается что-то новое, усталость отступает, я вновь начинаю сезон охоты и через какое-то время вижу предмет своего анализа иначе, глубже и с еще большим числом проблем, чем виделось раньше. Меняется моя оценка сделанного, и меняюсь я сам.

Для других? Пусть другие и скажут. Я смотрю на развитие науки как на процесс, в ходе которого каждый честно работающий человек что-то в нее (науку) привносит. Но что? Проясняется лишь много позже. В начале 1980-х я сформулировал некую теоретико-эмпирическую конструкцию, названную метрологической картой общественного мнения. Иногда мне кажется, что эта штука пригодится в будущем.

Ниже я расскажу о моей «гэллпаиде»; полагаю, что она не только для российских ученых, но для всего полстерско-

го сообщества открывает много забытых имен и объемно представляет начало истории опросов общественного мнения. Мне показалось оправданным ввести понятие гэллаповских технологий изучения общественного мнения; вдруг я не ошибся? Думаю, мне удалось найти новый жанр в подаче истории социологии. Его характеристики – сплав научности и занимательности; я не считаю историю науки скучным делом и хотел бы, чтобы ею многие интересовались. Приятно удивлен, но мои тексты, размещенные в Интернете, перебираются «по-черному», иногда с сохранением авторства, иногда – без. Нередко получаю электронные письма от не знакомых мне людей... им интересно читать про тех, о ком я пишу, и нравится, как пишу.

3. Прыжок в историю

Сначала ты увлекся математикой и психологией, а позже – социологией. Почему остановил свой выбор на последней, какие отношения сохранил с предшествующими «влюбленностями»?

В духе твоего вопроса отвечу: «С любимыми не расставайтесь...», а теперь поясню сказанное.

Если математику понимать как язык для формулировки определенного рода проблем и поиска их решения, то я давно отошел от нее. Тем не менее я не только без дрожи, но с радостью читаю статьи по выборочному анализу, по методам типологии и по ряду других направлений социологии, пронизанных математикой.

В самом начале 90-х я пару лет сотрудничал с International Institute for Social Change, несколько десятилетий наблюдавшим (и продолжающим наблюдать) социокультурные изменения в значительном числе европейских государств и ряде стран других континентов. Важнейшим элементом этого мониторинга является продуктивный метод типологии стран, синтезирующий в себе факторный анализ и многомерное шкалирование. То обстоятельство, что я понимал мельчайшие детали этого метода, дало мне возможность участвовать в проекте и сделать статью о месте России в социокультурном пространстве Европы [5], на которую было довольно много ссылок. Я не забыл ряда разделов высшей математики и уже здесь, в Америке, думая о смене профессии, сдал достаточно сложный экзамен, включавший вопросы аналитической геометрии, дифференциального и интегрального анализа.

Труднее с отношением к психологии, ведь мой интерес распространялся на достаточно узкую предметную область этой науки (в какой мере математические методы позволяют описывать, понимать совокупные свойства личности), и, прервав контакты с психологами, я фактически «депрофессионализировался». Вместе с тем, перефразируя одну немецкую поговорку, скажу: «Что выучит Гансик, то знает Ганс». Время, затраченное на чтение специальных работ по психологии личности и творчества, не пропало. Значит, то была подготовка к нынешним биографическим исследованиям.

Итак, твои сегодняшние исторические работы – это развитие старых научных интересов в области психологии. А какое отношение к ним имеют твои методические исследования?

Мои исследования по истории выборочного опроса возникли не сами по себе, но в процессе поиска аргументов в защиту этого метода изучения общественного мнения. Когда я вернулся из поездки в Россию в январе 2000 года, меня стали расспрашивать о прогнозах предстоявших в том году президентских выборов. Я рассказывал о результатах ВЦИОМа, ФОМа, но мои собеседники, бывшие советские граждане, сомневались в том, что итоги избирательных кампаний возможно прогнозировать по опросам с небольшими выборками. Чтобы усилить свою позицию, я пошел в библиотеку и выписал таблицу с прогнозами Джорджа Гэллапа, начиная с 1936 года. Затем написал небольшую заметку о его опыте и опубликовал ее в русских газетах Сан-Франциско и Филладельфии. До этого я, естественно, читал некоторые рабо-

ты Гэллапа, но ничего не знал о нем как об ученом и человеке. В ноябре 2001 года должно было исполниться 100 лет со дня рождения Гэллапа, и потому я решил написать биографическую статью о нем. Постепенно собственно историко-методическая работа – анализ становления современной технологии опросов общественного мнения – переросла в историко-научоведческую и биографическую. Меня начало интересовать не только сделанное Гэллапом, но и процесс его творчества.

Изучение творчества Гэллапа заставило меня познакомиться с общими приемами историко-биографических поисков, и через несколько лет приобретенный опыт помог мне начать исследование судеб российских социологов. Биографические исследования носят комплексный характер: в них есть элементы по-настоящему захватывающих исторических поисков, в них присутствуют черты изысканий в области психологии личности, они предъявляют особые требования к языку изложения. Именно поэтому наиболее глубокие и содержательные биографии ученых созданы историками, психологами и литераторами. По ходу дела мне многое пришлось осваивать, но все же исходным импульсом моих биографических штудий были задачи, касающиеся методики социологических исследований.

Как в этих исторических исследованиях ты проводишь границу между прошлым и настоящим?

Если кратко, то эта граница – постоянно меняется, и при приближении к ней она каким-то образом извещает меня о себе.

Еще в начале 2005 года я для себя как-то противопоставлял, разделял изучение судеб американских и российских социологов. Отчасти это происходило потому, что в России я изучаю моих современников, лично знакомых людей, а в Америке – фокус исследований сконцентрирован на судьбах тех, чей наиболее активный период творчества протекал в 20–50-е годы прошлого столетия. Ни одного из них я, к сожалению, не знал лично. Однако прошедший год убедил меня в условности жесткого членения времени и пространства при изучении биографий людей, которых, по большому счету, следует считать современниками и коллегами. Хэдли Кэнтрил – один из американских основоположников изучения общественного мнения – был в Москве, где компетентные товарищи ему объяснили, что партия и без опросов все знает об интересах и чаяниях народа. Только «железный занавес» не позволил Грушину встретиться с отцами-основателями, а в твоих воспоминаниях о Гэллапе отмечается, что мэтр был готов к сотрудничеству с советскими аналитиками общественного мнения. Недавно я узнал, что и Геннадий Васильевич Осипов встречался с Гэллапом в 70-х годах.

Помню свои сомнения по поводу названия первой статьи о Гэллапе, шесть лет назад опубликованной в «Телескопе» [6] – «Дж. Гэллап – наш современник», ведь она писалась в связи с приближавшимся столетием со дня рождения ученого; я специально искал аргументы в обоснование подобной трактовки гэллаповского наследия. Не знаю, убедил ли я читателей в оправданности такого видения наследия Гэллапа, но мне оно показалось обоснованным. Во всяком случае, перебирая множество вариантов, я все же использовал это название и для моей первой небольшой книжки о Гэллапе, вышедшей в Тюмени в 2001 году [7]. Проблема соотношения настоящего и прошлого в историческом исследовании продолжает интересовать меня и сейчас. Во всяком случае, монография об американских пионерах изучения общественного мнения, вышедшая в этом году, открывается параграфом «Историческая книга о современниках» [8].

Занятия историей выработали у меня новое отношение к времени: все детерминируется пониманием настоящего. Я убежден, что нет «гладкого», «гомогенного», «постоянного» настоящего. Настоящее видится мне как огромное пятно неправильной и постоянно меняющейся конфигурации. У США – непрерывная история, ее не переписывали при смене генеральных секретарей КПСС, и потому прошлое в изучении

общественного мнения в этой стране нужно начинать изда- лека. Мой отсчет времени идет с ранней формы американ- ской демократии – «городского собрания Новой Англии». А вот работы земских статистиков или «Тенишевский про- ект» [9] слабо повлияли на развитие советской социологии. Потому для США «городское собрание Новой Англии» – это часть настоящего, а для России опыты земских статистиков – достойное внимания прошлое.

Когда я узнал, что Гэллуп – американец в десятом поко- лении, я застыл как гончая, чувствующая близость зайца или лисицы и испытывающая радость предстоящей погони. Для меня настоящее «растянулось» на десять поколений.

Настоящее должно быть «толстым», многогранным, плот- ным, потому при анализе, скажем, событий 1930–1960-х го- дов я стараюсь вводить в свой рассказ как можно большее число акторов – и тех, кто жил, действовал в то время, и тех, кого уже не было в живых. Тем самым я расширяю, утолщаю настоящее. Раньше мне было сложно обосновать свое пони- мание «геометрии» настоящего, но постепенно видение про- шлого стало более четким, и оно стало основополагающим для меня при написании указанных выше книг по истории опросной технологии.

Одна из проблем биографического анализа – лич- ность и поколение. Как ты ее прокомментируешь?

Очень давно я обстоятельно изучал литературу о научных сетях, это было хобби, любопытство, а вот – пригодилось.

Мне повезло, изучение творчества Гэллупа и процесса ста- новления опросной технологии сразу подвело меня к необ- ходимости изучения обширнейшей коммуникационной сети. Сначала я понял, что раскрытие истории опросных методов невозможно без анализа судеб их создателей, но вскоре ста- ло очевидным, что этого мало. Гэллуп, а также трое других «отцов-основателей» практики регулярного зондирования мнений американцев – Арчибальд Кроссли, Хэдди Кэнтрил и Элмо Роупер – поддерживали друг с другом добрые отно- шения. По роду своей деятельности каждый из них общался с огромным количеством людей: коллеги по зарождавшему сообществу полстеров, университетские ученые, иссле- дователи рынка, политики самого высокого уровня, ведущие журналисты и издатели, представители крупного бизнеса и лидеры рекламной индустрии. Главные герои моей истори- ческой работы были ровесниками, но среди тех, с кем они контактировали, были люди старше их и младше. Однако в широком плане все они принадлежат к одному поколению; вместе они заложили основы технологии изучения обще- ственного мнения и, более широко, определили место этих исследований в политической культуре Америки.

Но и этого оказалось мало для понимания природы ком- муникационных сетей и решения одной из моих главных по- исковых задач – определения того, как возникла опросная технология. Так, Гэллуп, Кэнтрил и ряд их коллег в своих воззрениях на эмпирические методы и в своем понимании природы психологических процессов использовали теоре- тические и инструментальные достижения первых поколе- ний американских психологов, многое перенявших у немец- ких классиков психофизиологии и английских биометриков. Таким образом, именно движение по линиям коммуникаци- онных сетей является одним из наиболее эффективных при- емов утолщения настоящего.

Понимание необходимости изучения личности исследо- вателя, его внутри- и межпоколенной коммуникации, возник- шее при анализе американской истории, стало важным мо- ментом в разработке программы интервьюирования моих российских коллег. Проведенные «электронные беседы» на- мечают ряд коммуникационных сетей, характерных для это- го сообщества, и позволяют оценить «толщину» настоящего российской социологии. Предварительный анализ матери- алов опубликованных и завершающихся интервью дает право предполагать, что эти сети – достаточно бедные, а слой на- стоящего – по историческим меркам – тонкий.

Как ты объяснишь свой крен в сторону истории со-

циологии, не важно, советской или американской?

Занятия историей становления опросной технологии позволили мне синтезировать многие аспекты своего мно- голетнего исследовательского опыта. Давно, когда ты еще только задумывал делать свою книгу по истории советской социологии и опрашивал экспертов, я писал тебе, что исто- рией прежде всего должны заниматься люди, на собствен- ном опыте познавшие, как формируется социологическое знание. Поскольку я занимался выборкой и методами сбора информации, участвовал в поисках формулировок вопросов, сам подготовил и провел множество зондажей... постольку у меня есть не только «книжные» знания всех тех проблем, ко- торые стояли перед отцами-основателями и которые реша- лись ими, но я многое «чувствую пальцами». Знание их био- графий и их работ, знакомство (по переписке) с людьми, ко- торые были с ними знакомы, в какой-то момент позволили мне начать «обсуждать» с моими героями многие профессио- нальные вопросы. Я как бы веду с ними диалог, и потому за- нятия историей доставляют мне огромную радость.

В 2004 году я читал лекции в Российском университете дружбы народов на курсах для преподавателей, многие были с докторскими и кандидатскими степенями. В одной из лек- ций я говорил о моем отношении к моим героям и сказал, что, когда предо мною на столе лежат рядом книги давно умерших людей, которые в жизни были друзьями, я чув- ствую поток тепла от этих книг. Знаешь, тишина возникла в аудитории, ну, видимо, думали, «крыша поехала»... но после лекции ко мне подошла Ульяна Алексеевна Винокурова, профессор социологии из Якутии, выпускница Ленинград- ского психфака. Она сказала мне, что мои наблюдения со- ответствуют традиционной этике и философии якутов. По ее мнению, души людей, о которых я пишу, предохраняют меня от совсем уж больших ошибок. Действительно, иногда я вынужден что-то писать в гипотетическом плане, но по- том нахожу документы, подтверждающие мои гипотезы. Та- кое было уже несколько раз.

В рецензии на мою книгу «Первопроходцы мира мнен- ний» [10] Дмитрий Михайлович Рогозин написал, что харак- тер книги (то есть то, как я «бурю» прошлое) может стать предметом самостоятельного науковедческого рассмотрения и пособием по реконструкции не только логических схем и интерпретаций, но и эмоциональной компоненты научно- го поиска. Мне приятно, что он обратил внимание на стиль моего подхода к постижению прошлого, хотя я этот стиль не манифестировал.

В историко-биографических исследованиях мно- гое зависит не только от материалов, на которых ав- тора исторических портретов строят свои выводы, но и от установок этих авторов по отношению к их геро- ям. Опять же, где проходит граница между объектив- ностью и субъективностью?

На мой взгляд, при создании биографий – пусть это зву- чит парадоксально – пристрастность является основой объ- ективности, она «первее». Без пристрастности нет внутрен- него импульса к поиску, а уважение к тому, о ком пишешь, не позволит идти против фактов. Рационализм – это часть технологии биографического метода.

Деятельность людей, добившихся выдающихся резуль- татов, внесших значительный вклад в культуру человече- ства, как правило, многогранна, их жизнь редко развивается монотонно. При описании их жизненного пути приходит- ся что-то выбирать и ярко высвечивать, а что-то оставлять в тени; уже поэтому такие повествования субъективны. Субь- ективны они и потому, что исследователь всегда неравно- душен к своим героям, и не надо скрывать пристрастность, только она способна сделать выводы биографа основатель- ными и справедливыми. Есть «Мой Пушкин» Марины Цве- таевой, есть «смуглый отрок» Ахматовой, есть Пушкин Анд- ронникова, Вересаева, Гершензона, Лотмана, Модзалевского, Цявловского, Эйдельмана... и это воспринимается нормаль- но. И я – пристрастен. Я пишу о Гэллупе и других моих ге-

роях так, как не напишут другие, в частности – американские авторы. Я излагаю свое понимание истории и поведения, свое видение жизни личности.

Но вообще природа историко-биографических исследований крайне сложна. Я стараюсь осмыслить свою работу, перечитываю книги наиболее близких мне российских «научных портретистов» Д.С. Данина, А.П. Зубова, Б.Г. Кузнецова, В.П. Манфреда, М.Г. Ярошевского и др., читаю американскую литературу. Надеюсь, придет время, и я смогу для начала сам себе четко ответить на вопросы по методологии биографических поисков.

4. «Гэлланиада»

Гэллапа ты «зацепил» случайно; но ведь можно было написать статью и переключиться на другую тему. Однако ты погрузился в эту... почему?

Пожалуй, тема Гэллапа для меня сейчас самая интересная, я готов о ней говорить когда угодно и сколько угодно... ну, городской сумасшедший... Почему погрузился? Так карты легли, так звезды встали... существовали внешние и внутренние причины. Главная: в нашей семье сложились такие обстоятельства, что я должен был быть постоянно дома, я не мог ни искать работу в других штатах, ни соглашаться на лекции в России. К тому же я не видел предложения, которое могло бы занять меня на несколько лет, но понимал, что размениваться на мелкие, краткосрочные проекты не имею права.

Я не сидел, подперев голову кулаком, и не думал о том, чтобы такое сотворить... но чтение ряда исторических книг, ознакомление с биографическими словарями, «ползание» по Интернету показывало, что, несмотря на известность Гэллапа, ничего серьезного, обстоятельного – в моем понимании – о нем написано не было. Мне сразу стало ясно, что Гэллап – сложная личность и многогранный ученый, но как личность он не исследовался вообще, а его творчество департаментализировалось. Для одних он был журналистом, для других – исследователем прессы и рекламы, для третьих – отцом изучения общественного мнения.

Кроме того, сам процесс становления выборочной технологии предстает в постепенно открывавшихся мне работах – а их совсем немного – весьма схематично. Он трактуется как механическое перенесение опросной технологии, использовавшейся в маркетинговых исследованиях, в область электоральных зондажей и проблемных опросов общественного мнения.

Отмечу еще две слабости в существующих описаниях истории и предыстории опросов. Во-первых, даже при суммировании, обобщении наиболее серьезных исследований в этой области у меня не складывалась целостной картины возникновения опросной технологии, скорее виделся холст с отдельными монохроматическими пятнами на нем. Во-вторых, эта картина смотрелась как интересная, на ней было мало фигур, и они выглядели статичными, схематичными. В целом, панно не напоминало даже известной репинской картины «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года».

Безусловно, если бы в тот момент я находился в круговороте опросов и постоянно ощущал приближение дня сдачи очередного отчета, то не обратил бы внимания на бедность, лоскутность изображения прошлого, но я был свободен от подобной текучки.

Чем ты объяснишь недостаток внимания американских специалистов к обсуждаемой нами сейчас теме?

Главная причина – объективная, это «врожденная дальность зрения» истории как науки. Я не имею в виду именно американских специалистов. Художнику, пишущему большое полотно, нужно отходить от мольберта, чтобы воспринять картину целиком, историку необходима временная дистанция, чтобы увидеть интересующий его процесс в своего рода успокоившемся, хотя бы слегка «остывшем» состоянии. Регулярные опросы общественного мнения в Америке начались в

середине 1930-х годов, то есть по меркам истории совсем недавно. Кэнтрил умер в 1969 году, Роупер – в 1971-м, Гэллап – в 1984-м и Кроссли – в 1985 году; и хотя сделанное ими высоко оценивалось уже в 1950–1960-х годах, скорее всего «нормальный» историк еще несколько лет назад чувствовал бы некоторую скованность при анализе наследия этих исследователей. Приведу примеры, на мой взгляд, отчетливо иллюстрирующие сказанное.

До того, как Гэллап, Кроссли и Роупер приступили к электоральным опросам, а это было в 1936 году, в штабе Демократической партии работал Эмиль Хурью [10], который был старше их на десяток лет; своими исследованиями мнений избирателей он помог победить демократам на выборах 1930 года и Франклину Рузвельту – стать президентом в 1932 году. Хурью называли «секретным оружием» демократов и вашингтонским оракулом, он внес заметный вклад в изучение истории и методологии соломенных опросов и консультировал Гэллапа по вопросам выборочного анализа. Однако к концу XX века имя Хурью фактически оказалось забытым, и лишь вышедшая в 2002 году книга историка политики профессора Мелвина Холли «переместила» Хурью из прошлого в настоящее.

В истории американской рекламы есть две легендарные фигуры: Альберт Ласкер [11] и Брюс Бартон [12]; своей деятельностью они не только очертили магистральные направления развития этой индустрии и особенности движения американского потребительского рынка, но активно формировали современный образ жизни населения страны. Однако до самого последнего времени лишь немногие историки рекламы и политологи знали, что два этих рекламиста заложили основы политического пиара и практику взаимодействия американского политического истеблишмента с электоратом, более широко – общественным мнением населения. Причем делали это, отталкиваясь от своего понимания механизмов влияния рекламы на сознание людей и базируясь на своих представлениях, социологических по сути, о поведении населения в потоках массовой информации. Тогда это были пресса и начинавшее свою жизнь радио.

По итогам выборов 1920 года республиканский кандидат Уоррен Хардинг стал президентом страны и Кальвин Кулидж – вице-президентом. Избирательную кампанию первого разрабатывал Ласкер, второго – Бартон. Через четыре года Бартон помог выиграть президентскую кампанию Кулиджу, а еще четырьмя годами позже – Герберту Гуверу. Но лишь в этом тысячелетии вышли первые книги, в которых целенаправленно анализируется деятельность Ласкера и Бартона в качестве политических консультантов.

Кажется, я вовремя оказался в правильном месте: сейчас происходит научное освоение тематики, непосредственно включающей вопросы изучения политических установок американцев и проникновения информации о них во властные структуры и общественное сознание. Несомненно, работы в архивах республиканцев и демократов откроют очень многое в предыстории исследований общественного мнения.

Итак, дальность зрения истории, что еще?

Отмечу излишнюю департаментализацию науки, следствием которой является узость представлений исследователей о предмете разрабатываемого ими научного направления. Во-первых, давят традиции. Во-вторых, специалист часто судит о границах научного направления, в котором он работает, исходя из своих непосредственных наблюдений. Он «забывает» о том, что, возможно, всего несколько десятилетий назад его области деятельности вообще не существовало. В-третьих, есть множество стереотипов, осложняющих историко-научное исследование разработки, в частности, тяжело анализировать то, что в равной степени относится к прошлому ряда наук. Так, в блистательном культурологическом исследовании Стивена Фокса об американской рекламе и ее создателях политическая реклама Ласкера и Бартона лишь упоминается; что вполне естественно для всего замысла книги. Или Дэвид Мур, известный полстер и автор

одной из наиболее обстоятельных работ о становлении опросов общественного мнения, лишь обозначает тот факт, что Гэллапом, Кроссли и Роупером было многое сделано в области изучения рынка.

Я не принадлежу к ни к каким из американских школ историко-методологических исследований, потому свободен от существующих в них традиций; я не вижу межпредметных границ. На мой взгляд, подлинный прорыв в понимании социальных и инструментальных составляющих прошлого в изучении общественного мнения произойдет тогда, когда им займутся профессиональные историки и ученые и будут вести свои разработки в междисциплинарной парадигматике.

Итак, ты вошел в эту воду... каким стилем ты поплыл?

Главное, не было страха воды... в начале 1970-х, когда я еще работал в Ленинградской высшей партийной школе, меня заинтересовало творчество Карла Пирсона, философа, математика и биометрика. Я многое прочитал о нем, получил микрофильмы его работ и продумывал план статьи на эту тему. Однако реализовать эту затею так и не пришлось. Собираясь в Америку, я выбросил несколько толстых папок конспектов и большую коробку микрофильмов, но некий опыт сбора и анализа историко-биографического материала у меня сохранился.

Хорошо, что я не представлял, в какую объемную и сложную тему я входил, иначе, может быть, и не рискнул бы ей заняться. Я понимал, что возникнут трудности информационного характера, ведь нельзя серьезно работать над биографией кого-либо, ориентируясь лишь на опубликованное. Но опыт научной работы подсказывал, что поиск новых фактов о Гэллапе (тогда я думал только о нем) и о развитии опросной технологии – это лишь часть дела, ощущалась необходимость синтетической методологии изучения творчества ученого и предмета, который он развивал. Мне были знакомы работы российских социологов о творчестве П. Сорокина, М. Ковалевского, М. Вебера, П. Лазарфельда, Г. Зиммеля, но в них не было того, что мне было нужно. Эти работы сфокусированы на изучении творчества социологов-теоретиков и на анализе трансформации одних социальных идей в другие. Я изучаю научную, аналитическую деятельность иного рода. Гэллап и другие мои герои в первую очередь интересовались не углублением социальных теорий, а поиском эмпирических методов изучения социума. Это была не среда академической, университетской науки, но мир прикладных исследований, близкий к бизнесу и политике.

Помощь пришла из далекого, казалось, быльем заросшего, прошлого. Мне припомнился краткий разговор с выдающимся советским психологом Борисом Герасимовичем Ананьевым по поводу моей кандидатской диссертации. Более трех десятилетий назад он рекомендовал мне трактовать факторный анализ как результат миграции научных методов. Вряд ли я в то время мог серьезно понять, что Ананьев имел в виду, но все же на завершающей фазе работы над текстом попытался описать многомерный факторный анализ как синтез решения проблем, возникавших в биологии, психологии и математической статистике, и показать, что этот метод есть итог творчества специалистов разных научных направлений. Читая первые материалы о Гэллапе, я увидел, что технология проведения опросов общественного мнения отражает опыт первоклассных ученых, работавших в разных направлениях науки, и понял, что пришло время воспользоваться советом Ананьева.

Второе: оказалось, что эйнштейновские критерии «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания», которые я учитывал в своих методологических построениях, полезны и при изучении импульсов, пружин развития технологии изучения общественного мнения. Первый из этих критериев подчеркивает целостность, внутреннюю обоснованность теории, второй – указывает на то, что теория должна согласовываться с опытом. Мою знакомству с этими кри-

териями и пониманию их ценности я, прежде всего, обязан неформальным беседам с известным историком науки Борисом Григорьевичем Кузнецовым, автором книг об Эйнштейне, Ньюtone, Галилее, Бруно и о становлении современной научной картины мира. Прошло двадцать лет после окончания этих бесед, но я помню их дух и содержание.

Сформулировав для себя общие принципы историко-научоведческих поисков, я начал активно копать в разных направлениях. Одновременно приходилось осваивать в буквальном смысле азы истории и культуры Америки.

Не пришло ли время подвести хотя бы первые итоги работы над «гэллапиадой»?

В течение пятилетки, в значительной степени отданной историческому и методологическому анализу зарождения и развития опросной технологии изучения общественного мнения, мне удалось продвинуться в понимании этой темы. Я дошел до самых истоков этого процесса – возникновения американского института демократии и президентских выборов. Рассмотрел более чем столетнюю историю соломанных опросов, выявил корни опросных методов и узнал, как и кем они были перенесены в маркетинговые исследования. Установил связь возникновения опросов общественного мнения с развитием американской журналистики и детально «прозвонил» многие участки истории современных гэллаповских методов измерения установок. В самое последнее время прошлое заставило меня заглянуть и в будущее; так возникла идея движения от гэллаповских технологий к тому, что я называю постгэллаповскими.

Я начал с изучения работ Гэллапа, чтения многочисленных интервью с ним, и мне удалось найти очертания весьма обширной коммуникационной сети, в которой он был одной из центральных фигур. В процессе работы оказалось возможным нарисовать портреты не только отцов-основателей практики регулярного изучения общественного мнения, но и большого числа менее известных участников этого значимого для культуры XX века политического и научного феномена.

Итого проведенных исследований представлены в десятках статей, опубликованных в «Телескопе», ряде московских научных журналов и в прессе, а также в двух книгах. [8, 10].

5. Мне всегда везло на встречи с интересными людьми

В виртуальном «Театре драмы и социологии» ты играешь главную роль в пьесе «Жизнь Бориса Докорова». Вообрази себя среди участников твоей социологической «драмы»: «начальников», «учителей», «коллег», «учеников», «оппонентов»... Что можно сказать о людях каждого из названных амплуа применительно к твоей жизни в социологии? Кто на тебя оказал наибольшее влияние, кем ты дорожишь и по сей день, сверяя по нему время и путь?

Спасибо, вопрос очень нужный. Замечу лишь, что названный тобою «Театр драмы и социологии» не виртуальный, а самый что ни есть реальный. Мне повезло на встречи с интересными людьми, и именно через такие встречи мне проще всего рассказать о своей жизни.

Мы с сестрой родились в Ленинграде за две недели до начала войны. В конце сентября мама отправилась с нами в эвакуацию, в Новосибирск. Вернулись мы ровно в день Победы. Мой отец, Докторов Зусман Львович, окончил в Ленинграде Академию художеств, был художником и редактором книг по искусству. Он умер в 1949 году. Мать, Пушкинская Александра Сауловна, имела искусствоведческое и библиотечное образование и многие годы работала сначала в библиотеке Академии художеств, в позже – в Театральной библиотеке. Как и многие семьи после войны, жили мы очень скромно.

Мама привила мне вкус к чтению достойной литературы, к серьезному изобразительному искусству и к драматичес-

кому театру. Я многое прочел в школьные годы и видел ряд лучших для того времени спектаклей. Мне это очень многое дало, но не в плане выбора профессии; я вообще не помню, чтобы я обсуждал с мамой эту тему.

Учился я всегда хорошо, ровно, и лишь в старших классах начал отдавать предпочтение математике. И хотя мало что о ней знал, после окончания школы, это был 1959 год, я решил получить математическое образование. Вполне возможно, что моя профессиональная жизнь сложилась бы иначе, чем это произошло в действительности; многое определил случай.

Ряд лет мама сдавала меньшую из наших двух небольших комнат в коммуналке двум студенткам. Летом, когда я окончил школу и уже думал о поступлении в Университет, к одной из них приехал из Москвы ее будущий муж, выпускник МГУ, физик-ядерщик. Было жарко, и мы с ним поехали купаться на Ржевку, тогда это был пригород Ленинграда. Трамваем добирались долго, возможно, около часа в одну сторону... По дороге этот молодой физик рассказал мне о двух книгах. Первая – «Что такое жизнь с точки зрения физики», написанная Эрвином Шредингером, выдающимся физиком XX века. Вторая книга – «Эварист Галуа. Избранник богов», ее автор – физик Леопольд Инфельд, работавший с Эйнштейном. Поступив на математико-механический факультет, я отыскал в библиотеке эти книги и в течение ряда лет многократно их перечитывал.

Книга Шредингера, физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. И еще – она познакомила меня с позитивизмом, это была вообще моя первая встреча с философией. Вторая книга – о гениальном математике Галуа, погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Возможно, эта книга стимулировала мой интерес к изучению творчества ученых, к истории науки. Хотя к тому времени я прочел много книг из серии «Жизнь замечательных людей».

Тебе было интересно учиться, у вас были сильные преподаватели?

Да, с первого дня и до последнего. Матмех с его суперспециалистами научил меня работать и привил основы этики «производственных» отношений. Тогда там царил дух взаимного уважения преподавателей и студентов. Я вышел с факультета без боязни общения со старшими, без трепета, часто сопровождающего отношения «студент–профессор».

Мне посчастливилось учиться в высокоинтеллектуальной среде. Базовые предметы нам читали авторы классических учебников, специалисты, имена которых навсегда закреплены за доказанными ими теоремами и предложенными методами. В таких условиях студенты быстро растут, легко осваивают не только сложные схемы доказательств и приемы решения различных проблем, но и логику, культуру мышления.

Один из основных курсов нам читал выдающийся алгебраист Дмитрий Константинович Фадеев, курс геометрии – тогдашний ректор, член-корр. АН СССР Александр Данилович Александров, гидроаэромеханику – профессор Сергей Васильевич Валандер, математическую статистику – академик Юрий Владимирович Линник. В историю теоретической механики нас вводил профессор Николай Николаевич Поляхов – декан и специалист по теории летательных аппаратов. Это были не только ведущие в стране специалисты в своих разделах математики, но и ученые с широким кругозором и высокими этическими стандартами.

Меня привлекал прикладной аспект науки. Исходно я был зачислен в группу математиков, но на втором или третьем курсе выбрал в качестве специализации теоретическую механику; мне казалось, что это поможет мне заниматься кибернетикой, идеи которой меня интересовали. Скорее всего, именно поэтому я тогда же прослушал на философском фа-

культете введение в психологию человека и что-то на тему «человек-машина»; эти предметы вел Лев Маркович Веккер, признаваемый сейчас выдающимся советским психологом.

Скорее всего на третьем курсе я написал заметку для стенгазеты по кибернетическим мотивам статей тогда опального психофизиолога Н.А. Бернштейна. Она приглянулась недавнему выпускнику факультета Олегу Михайловичу Калинин, пригласившему меня поговорить. Оглядываясь в прошлое, могу сказать, что Калинин, высококлассный математик, пассивная личность с высокими нравственными принципами, антидарвинист и философ, бесконечно далекий от марксизма, оказал на меня очень сильное влияние. Формально мы никак не были связаны, и поскольку я специализировался в теоретической механике, то даже курсовые работы не писал у него. Он давал мне читать различные статьи, объяснял законы динамики биологических популяций. Потом к нам присоединилось еще несколько человек, и постепенно возник биометрический семинар, находившийся вне сетки факультетского расписания. Мы собирались тогда, когда хотели, и обсуждали наши проблемы до ночи. Так формировался круг моих интересов – математические методы биологии.

Наверное в 1963 году на семинар пришел молодой, но уже опытный психолог, доцент Палей; его внимание привлек новый в то время для советских психологов математический метод – факторный анализ. Зная о моем легком интересе к психологии, Калинин предложил мне помочь Палею. От биометрики я «соскользнул» в психологию; движение в этом направлении вскоре привело меня в социологию.

В декабре 1964 года я закончил университет и поступил в аспирантуру. В моей жизни мало что изменилось, продолжал заниматься математической статистикой с уклоном в биологию, медицину и психологию. Отдельные встречи с Палеем переросли в регулярные обсуждения проблем психологии личности и специфики измерения в психологии. Он объяснял мне логику и технологию психологических экспериментов, я обрабатывал измерения статистическими методами, мы обсуждали полученное и двигались дальше.

Да, видно, что ты не готовил себя к тому, чтобы стать социологом, но все-таки стал им. Опять случай?

В июне 1967 года, за шесть месяцев до окончания аспирантуры, состоялось распределение. Я смотрел на это как на рутинное мероприятие, но оно оказалось определяющим в мой жизни. Мне единственному была предложена работа вне Ленинграда, в Архангельске – притом, что всем, даже приезжим, нашлось место в ленинградских НИИ и учебных институтах. Распределение я не подписал.

Начал искать работу. Позиции были, но меня просили принести документ, который я по определению принести не мог: освобождение от распределения. Завершился 1967 год, и я уже подумывал о работе в Архангельске. Но в один прекрасный день, в начале февраля 1968 года, я случайно встретил Галину Иосифовну Саганенко; теперь она известный социолог, доктор наук и профессор, а тогда – недавняя выпускница матмеха, работавшая в команде Ядова. Она сказала, что есть такой социолог – Андрей Григорьевич Здравомыслов, ему нужна консультация по обработке какой-то информации. И дала мне его домашний телефон.

Не имея никакого представления о том, где работал Здравомыслов и что такое социология, я позвонил ему, и он назначил мне встречу на каком-то совещании в Большом зале главного здания университета. Наше знакомство состоялось, и после пары минут разговора он попросил меня прийти в Таврический дворец. Не уверен, что я тогда знал, что в этом здании размещалось. Я пришел, и человек в военной форме дал мне пропуск и объяснил, как пройти на кафедру марксистско-ленинской философии.

Буквально через три-четыре дня я стал ассистентом кафедры марксистско-ленинской философии Ленинградской высшей партийной школы (ВПШ) при обкоме КПСС. В это трудно поверить: еврей, беспартийный, без обществоведческого образования был принят на работу в закрытое идеоло-

гическое учебное заведение. Я и сейчас испытываю благодарность к Здравомыслову за сделанное им почти сорок лет назад и рад тому, что у нас сохраняются дружеские связи. Так я «приземлился» в социологии, даже не представляя, что это за поляна. Это было 12 февраля 1968 года.

С людьми, которых я встретил в ВПШ, меня связывали долгие годы совместной работы и хорошие человеческие отношения. Особо отмечу Ларису Петровну Абрамову и профессора Юрия Яковлевича Баскина, советы которого не раз служили мне той самой «соломкой», которую надо подстелить, чтобы не очень ушибиться. Через пять лет я ушел из штата ВПШ, но продолжал там преподавать. В начале перестройки, уже будучи доктором наук, я читал там несколько социологических курсов. В начале 1970-х в ВПШ я вступил в КПСС, а в 1991 году, имея большой стаж – почти два десятилетия – преподавательской работы, получил звание профессора прикладной социологии и социальной психологии.

От математики ты сразу «нырнул» в социологию, но кандидатскую защитил по психологии...

Первый год моей работы прошел в освоении азов социологии и философии. Прослушал вводный курс Здравомыслова и читал все, что можно было найти по этому предмету. Одновременно с участием в социологических проектах я сначала вел занятия по математике, а через пару лет мне было доверено проводить семинары по философии.

Хотя факторный анализ не был темой моей аспирантской работы, в силу ряда причин осенью 1969 года у меня возникло решение оформить в виде диссертации по психологии все то, что было мною сделано в области методологии и применения этого метода. Трудности были: не с кем проконсультироваться по вопросам факторного анализа; я никогда не читал диссертаций, даже не представлял их структуры. К тому же мне пришлось учиться писать обычные, «гуманитарные», тексты – раньше я писал лишь короткие, заполненные формулами.

В начале января 1970 года проводилась Всесоюзная перепись населения, и меня командировали работать переписчиком, кажется, месяца на полтора. Появилось время писать. Весной у меня состоялся разговор с Палеем; я просил его быть моим титульным руководителем, но он отказался. Палей много лучше меня понимал, что, поскольку факторный анализ был большой новинкой и на кандидатскую степень претендовал человек без базового образования, требовалась более мощная поддержка, чем он мог оказать.

Мне поверил Ананьев, знавший меня со слов Палея и по небольшим выступлениям на его семинаре. Кроме того, в 1966 году он рекомендовал мою статью по истории применения факторного анализа в СССР (получается, что я начал интересоваться историей методов сорок лет назад) для публикации в журнале «Вопросы психологии» и напечатал одну из моих работ в выходившем под его редакцией издании «Человек и общество». За несколько минут Ананьев пролистал текст, сказал, что надо добавить, и согласился быть титульным руководителем. В течение лета я все завершил и в начале осени снова пришел к Ананьеву. Он посмотрел текст и предложил выходить на защиту. Защита состоялась в конце декабря 1970 года, и через три месяца у меня был диплом кандидата психологических наук. Работа называлась «Факторный анализ в психофизиологическом исследовании человека».

И потекли твои годы в социологии...

...о которых, думаю, ты мог бы все рассказать сам, ибо это было время нашей совместной работы. Когда мы начинали, мне слегка перевалило за тридцать, а ты подходил к своему сорокалетию, но твой жизненный опыт был несоизмеримо богаче моего. Ряд первых лет формально я не был твоим «подчиненным», ты работал в Институте социологии АН СССР, я – в ВПШ. Ведь все началось с того, что меня выделили в помощь тебе для создания в Ленинграде системы оперативного изучения общественного мнения. Уверен,

если бы мы сразу не сработались, никакая партийная дисциплина не могла бы принудить нас к сотрудничеству, тем более – заставить так выкладываться. В значительной мере это произошло, потому что ты не никогда не подчеркивал своего «начальственного» статуса, за что я тебе бесконечно благодарен. А так как с 1 сентября 1973 года, когда я перешел из ВПШ в Институт социологии, и до моего отъезда мы фактически все время работали вместе, я могу сказать, частично отвечая на твой вышеозначенный вопрос, что у меня никогда не было «начальников» в общепринятом смысле этого слова.

В ИСЭП АН СССР в лучшие времена Ядов был нашим коллегой, признаваемым и уважаемым руководителем направления, но я никогда не воспринимал его как начальника. А после вынужденного ухода Ядова были временщики, которые вели себя как начальники, но все это было грустно и смешно и никакого отношения к делу не имело.

Несомненно, мое становление как социолога в значительной мере связано с работой в группе «Социология и театр» – переключки с «театральной формулировкой» твоего вопроса, – начавшейся осенью 1974 года и завершившейся в конце 1980-х. Мне нравилась и артельная форма организации нашей работы, и люди, с которыми я сотрудничал, и, естественно, тематика исследований. Когда я вошел в группу, там уже пару месяцев работали театровед Виталий Николаевич Дмитриевский и социологи Андрей Николаевич Алексеев и Олег Борисович Божков. Позже к нам присоединились Леонид Кесельман и очень сильная группа театроведов и театралных критиков: Анатолий Яковлевич Альтшуллер, Юрий Михайлович Барбой и Борис Николаевич Кудрявцев. Поначалу ты был нашим главным консультантом, потом – руководителем, но опять же не начальником. В ВПШ и в первые годы нашей работы по изучению общественного мнения я в основном отвечал за организацию сбора информации и ее обработку. Здесь я впервые участвовал в очень широком и неформальном обсуждении проблем театра и социологическом изучении многих аспектов театральной жизни.

Работа в группе «Социология и театр» оказалась для меня принципиальной еще в одном отношении. Я начал публиковаться в 1967 году, это были результаты моего дипломного проекта, и в аспирантские годы подготовил ряд статей. За время работы в ВПШ я опубликовал всего одну небольшую статью со Здравомысловым и – смешно сейчас говорить – брошюру по вычислению процентов для чисел от 1 до 100. Трудно поверить, но 30 лет назад это было необходимо. Результаты наших опросов общественного мнения мы вообще не имели права оглашать, а вот наблюдения за театральной жизнью – можно было. Участниками группы было многое опубликовано, и я тоже активно использовал эту возможность; обсуждал методические вопросы, «прикрывшись» театральной тематикой. Во всяком случае, в автореферате докторской диссертации по проблемам обеспечения надежности исследований общественного мнения приведено много статей театральной направленности.

Напомни, в каком году ты защитился...

Защитился – в апреле 1985 года, через пару недель после прихода к власти М. Горбачева, но путь к защите был долгим. В начале 1980-х наш партийный куратор Борис Константинович Алексеев, думаю, много сделавший для становления опросов общественного мнения в Ленинграде, разрешил мне использовать мои же методические разработки в задумывавшемся докторском исследовании. Он поднял шлагбаум... потом был отпуск для подготовки диссертации, потом обсуждение, в котором мне набросали много замечаний, затем полная переделка структуры и текста. Наконец, почти годовая борьба с дирекцией ИСЭПа и руководством отдела за право уточнить название диссертационного исследования, по сути – переставить пару слов. Все это было в 1983–1984 годах, когда происходил разгром ленинградской социологии, когда Ядова и тебя выставили из института, и я с небольшой группой сотрудников работал в секторе соци-

листического соревнования.

Здесь уместно вспомнить, что в те годы началась, а затем успешно и радостно продолжалась моя работа с Ольгой Николаевной Бурмыкиной, Аллой Владимировной Корниенко, Наталией Александровной Нечаевой и Вячеславом Владимировичем Сафроновым. Я всегда с большим теплом вспоминаю их и благодарен им, прежде всего, за понимание и помощь. Именно с ними я расширил свой социологический опыт, перешел от исследований методолого-методических к содержательным. Речь идет о нашем быстром вхождении в изучение отношения людей к лишь начинавшим складываться в стране новым формам экономики.

Вообще вторая половина 1980-х была для меня весьма плодотворной и интересной: исследования по академической тематике, работа во ВЦИОме, участие в различных научных форумах в стране и за рубежом, преподавание и активная общественная деятельность на посту одного из руководителей ленинградской социологической ассоциации. Было много планов, я набирал скорость движения по избранному профессиональному направлению, но мне пришлось резко ее сбросить. До нуля...

Я понимаю, речь идет об отъезде в Америку. Но ты не сказал об «оппонентах», а ведь ни одна драма не обходится без злодеев, «бармалеев», неужели их не было?

Конфликты были, но людей, которых мне приятно вспоминать, несоизмеримо больше, чем тех, которые, а у меня есть основания это утверждать, стремились нанести мне вред. Все происходило в Институте социально-экономических проблем АН СССР в начале 1980-х. Это те же завистливые и близорукие в научном отношении люди, которые вынудили уйти из института Ядова и тебя. Их имена я не стер из памяти, и если придется писать о ленинградской социологии конца прошлого века, назову их. При этом полагаю, что меня не особо зажимали в силу одной простой причины: я занимал очень невысокую позицию в административной структуре института и не рвался наверх.

6. И один в поле воин

Много раньше тебя в Америку эмигрировали Владимир Шляпентох, Дмитрий Шалин и Эдуард Беляев. Все вы живете в одной стране, но ваши американские судьбы различны. Они вошли в университетскую среду США, у тебя – другая траектория жизни.

Да, это так, но мы нашли друг друга. В первые годы моей американской жизни Владимир Шляпентох привлек меня к редактированию книги по российской элите [13], сейчас мне доставляет удовольствие научное сотрудничество с Дмитрием Шалиным. На сайте <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/international_programs.html> созданного им Центра демократической культуры (Center for Democratic Culture) он выделил страницу под проект по истории российской социологии, и мы вместе его разрабатываем. Получилось своеобразное американское расширение ленинградской социологической школы. Теперь материалы, в основном знакомые читателям «Телескопа», «Социологического журнала» и «Журнала социологии и социальной антропологии», будут иметь более широкую, в том числе – международную аудиторию.

О чем бы ни шла речь: о предмете изучения, о контактах с Россией, о способах жизни в науке и т. д. – в твоей судьбе много интересного, хотя мало кому дано найти в себе столько сил и энергии для сохранения научной формы в обстоятельствах, аналогичных твоим...

...Приехали мы – Люся (моя жена), ее мама и я – в Америку в конце апреля 1994 года. Главная причина – за два года до нас туда уехал Саша, наш единственный сын. Скажу так: мы не уезжали из страны, мы ехали к Сане. Мне хотелось жить близко от него, и я не допускал, что типично для Америки, поиска работы в других штатах.

К моменту нашего приезда он и его жена уже работали и потихоньку входили в американскую жизнь. Это – прекрасно, но, с другой стороны, они были очень заняты, и нам пришлось все осваивать самим. Когда я приехал, мне было 53 года: не юноша, но для американской пенсии – слишком молод; я и сейчас до нее еще не дорос. Мы узнали все прелести начала эмигрантской жизни: полное непонимание окружающего мира, безденежье, фудстемпы (квазиденьги для покупки продуктов), отсутствие работы и ее поиски. В какой-то момент я работал там, где белого физически и психически здорового американца практически не увидишь.

В Силиконовой долине, в северной части которой мы живем, многие русские занимаются программированием или тестированием программ. Я тоже мог бы, но мне не хотелось перечеркивать все прошлое, я подумывал заняться маркетинговыми исследованиями и потому поступил в колледж. Люсе предложили быть бэби-ситтером. Мы начали как-то ориентироваться в окружающем мире.

Я обнаружил хорошую программу для студентов колледжей, специализировавшихся в организации бизнеса, получил ее и выполнил все предписания. Специальная служба начала помогать мне в поиске работы; я согласился на любую, лишь бы сразу (обычно надо ждать полгода) предоставили медицинскую страховку Люсе и мне. Вскоре я приступил к работе секьюрити в трех минутах ходьбы от дома; сначала по ночам, потом – приобретя опыт – по субботам и воскресеньям. Многие не любят работать в эти дни, но мне, наоборот, они нравились: спокойнее, чем в будни, и можно готовиться к занятиям.

В колледже я потихоньку включился в науку; американская образовательная система стимулирует индивидуальную работу. Обосновав важность темы, я сделал пару проектов по тогда только зарождавшемуся российскому Интернету и, изучая курс инвестирования, увлекся методологией mutual funds (паевые инвестиционные фонды, или ПИФы), о которых в России, естественно, ничего не слышал.

Вскоре мне попала на глаза книга по истории американских ПИФов, из которой я узнал, что лучшим американским менеджером в этой области считается сэр Джон Темплтон (род. 1912), признаваемый одним из крупнейших современных финансистов и выдающимся филантропом. Я мог бы проскочить мимо этого нового для меня имени, но штаб-квартира глобальной инвестиционной кампании «Франклин–Темплтон» расположена в 15 минутах ходьбы от моего дома, и поэтому я знал фамилию Темплтон. Кроме того, в этой фирме тогда работала моя невестка.

Многое из сделанного сэром Джоном было следствием его исторического оптимизма. Он предвидел послевоенный рост японской экономики, и, когда акции японских предприятий ничего не стоили, стал покупать их. Последующий промышленный бум в этой стране принес ему и тысячам вкладчиков его ПИФов огромные доходы. В 1997 году он издал 500-страничную книгу «Всеобщие законы жизни» (Worldwide Laws of Life), в которой изложил принципы своей философии оптимизма. Я прочел книгу и, как это ни покажется странным, поверил сказанному. Видимо, тогда ничего другого мне не оставалось. В начале ноября 1997 года я отправил в благотворительную организацию The Templeton Foundation письмо с предложением разработать цикл лекций по теме «Уроки оптимизма для России».

Переписка текла вяло, но в августе 1988 года мне сообщили о том, что мое письмо переслано консультанту Фонда по российским программам доктору Деклану Мерфи. Мы начали активно строить планы, но ничего из задуманного реализовать не удалось. Кончилось тем, что в начале 1999 года Деклан, к тому времени я уже подружился с ним и его женой (позже они приехали в Петербург и были у тебя в Европейском университете), пригласил меня на организованную им при поддержке Фонда Темплтона конференцию в Вашингтоне. Там я увидел сэра Джона и впервые после отъезда услышал серию серьезных сообщений о событиях, происходивших в России. До этой конференции я думал, что моя социоло-

логическая карьера завершилась, ведь пять лет я не занимался наукой. Но в Вашингтоне понял, что еще не все потеряно. Я вернулся домой с некоторым зарядом оптимизма.

И этот оптимизм помог?

Да, надо верить в то, что делаешь.

Я уезжал из России, имея с собою лишь один электронный адрес – Кесельмана; во второй половине 1998 года он начал меня возвращать в наш профессиональный цех. Летом 1999 года я закончил колледж, взял отпуск и поехал в Россию. Поездка была связана с участием в одном из первых в стране семинаров по изучению социальных проблем Интернета, организованном Могилевским. Мои выступления были развитием того, что я делал в колледже. Позже я опубликовал ряд статей по тематике Интернета, но затем включился в другую работу, продолжавшуюся почти два года.

Александром Анатольевичем Ослоном, Еленой Серафимовной Петренко и мною был проанализирован огромный массив данных, собранных ФОМом за десять лет и отражавших отношение населения России к важнейшим событиям эпохи Ельцина; эта работа завершилась книгой [14]. Наши московские встречи и постоянная переписка давали множество поводов задуматься не только о российской современности, но и об американском прошлом, которым я стал потихоньку заниматься на рубеже веков. Кстати, первый опыт изучения истории современной российской социологии и интервьюирования моих коллег был приобретен именно при написании этой книги. В нее вошел краткий очерк о возникновении практики опросов в СССР и деятельности Грушина, а также интервью с Ослоном и Георгием Александровичем Сатаровым.

В общем, ты начал снова заниматься социологией...

В начале 2000 года я ушел с работы. У меня намечались приглашения от российских вузов читать лекции, я участвовал в проведении полевых исследований, и можно было искать американские гранты для изучения России. Однако семейные обстоятельства перечеркнули эти перспективы. Более двух лет я не мог сосредоточено заниматься наукой.

В последний день апреля 1999 года у Саши была обнаружена редкая форма меланомы, и через пару недель в госпитале Стэнфордского университета он был прооперирован. Затем последовали еще три операции, и в октябре – радиационное лечение. Мы знали, каково это заболевание, но надеялись, что лечение поможет. Однако в мае 2001 года рентген обнаружил метастазы внутри тела. Началось очень трудное лечение: все его мысли и силы были направлены на борьбу с болезнью. Нашей задачей была всесторонняя помощь Саше, но нередко его мужество поддерживало нас. В августе 2002 года его не стало... Все произошло поздним вечером, а следующим утром его дочке исполнилось четыре года, и она с нетерпением ждала этого дня. Мы спросили у бывшего в те трагические часы с нами батюшки, как объяснить ей отсутствие папы. Он просил нас сказать ей, что ангелы забрали папу на небо. Так мы и сделали...

...извини, я понимаю, как трудно тебе это сейчас писать...

... но, думаю, иначе читателям не была бы понятна логика моих действий. Теперь ясно, почему в то время я не мог и не могу сейчас покидать дом часто и более чем на пару недель. В семье – четыре поколения женщин, и я – единственный мужчина. Мне надо было превратиться в «надомника», и я им стал.

Ты доказал, что наукой можно успешно заниматься, «глядя из Фостер-Сити». Как это тебе удалось?

Ты – единственный из моих друзей и коллег, кто был в Фостер-Сити, видел, как мы живем.

В городе проживает 30 тыс. человек, и его главную улицу, прорезающую весь город, можно пройти за час. Здесь нет ни университета, ни колледжа. Но есть библиотека, являющаяся частью сети из нескольких десятков региональ-

ных библиотек. Единый компьютерный каталог, в который можно войти из домашнего компьютера, позволяет заказать книгу из любой библиотеки этой сети. Ее привезут в мою городскую библиотеку и дадут домой на три недели; обычно срок пользования можно продлить. Если в региональной сети необходимой книги нет, библиограф pošлет запрос в общенациональную сеть, и книгу пришлют опять же в мою библиотеку.

Все американские архивы, библиотеки имеют интернетовские сайты, и потому легко найти зацепки, краткие сообщения о хранящихся там документах. На запросы по электронной почте я получаю исчерпывающие ответы и условия оказания помощи. Чаще всего высылаются ксерокопии документов и счет. Я отсылаю подтверждение и чек.

Еще один канал – сетевые книжные магазины и сетевые библиотеки. Старые книги по социологии в «Amazon.com» и других онлайн-книжных магазинах более чем доступны – нередко они оказываются дешевле почтовой пересылки. Через неделю-две книга у меня на столе. Часто это даже ни разу не раскрытые книги, но бывают и с подчеркиваниями, без суперобложки – это все не мешает делу. У меня приличная библиотека... Как-то раз мне даже досталась книга Рупера с его автографом.

Онлайновая библиотека «Questia.com» содержит свыше 700 тыс. наименований и имеет прекрасную поисковую систему: 100 долларов в год – и читай круглосуточно. Журнал «Time» при очень недорогой подписке открывает онлайн-доступ ко всем выпускам начиная с 1920-х годов. Будучи членом Американской ассоциации исследователей общественного мнения, я имею доступ ко всем номерам необходимого в моей работе журнала – «Public Opinion Quarterly». Так что и в моей деревне работать можно, надо лишь активно использовать возможности современного информационного сервиса.

Электронная почта, вошедшая в повседневность всех американских исследователей, позволяет мне общаться со многими «носителями» ценнейшей информации о становлении опросной технологии и практики изучения общественного мнения в Америке. В моем архиве сотни писем, в том числе от детей отцов-основателей (давно ставших известными аналитиками мнений), от людей, некогда работавших с последними, от современных ученых. Обнаруживая интересную мне книгу или статью, материал в Интернете, я часто сразу пишу автору, задаю ему вопросы, иногда прошу прислать мне отписки труднодоступных журнальных статей. В Америке это нормальный механизм научного сотрудничества.

Самая большая трудность в работе – это отшельничество, отсутствие возможности для постоянного нормального общения с коллегами. Это касается и моих исследований прошлого американских опросов, и изучения истории российской социологии. Ведь обычно многое из того, что представлено в наших статьях, книгах, предварительно в той или иной форме проговаривается на семинарах и в неформальных беседах с коллегами. Мне все заменяет электронная почта; я не могу сказать, что у меня очень много корреспондентов, но связь с большинством из них регулярная. Смерть Валерия Борисовича Голофафа лишила меня многого. В наших письмах мы обсуждали не частности биографического анализа, но дух этого научного направления. Иногда мне было важнее отправить ему письмо, то есть высказать нечто, чем получить его ответ.

Для меня поездки в Россию – драгоценная возможность непосредственного общения, я стремлюсь встретиться с как можно большим числом коллег, выступить на семинарах, рассказать о том, что делаю. Уже несколько раз за последние годы я по приглашению профессора Клары Григорьевны Барбаковой читал лекции студентам разных университетов Тюмени. Общение с такой аудиторией дает мощнейший импульс для работы. И вообще в том регионе я ощущаю сильное позитивное космически-гуманитарное воздействие.

Для меня работа – это не только деятельность, но и об-

щение; я веду постоянный диалог и со своими героями, и с будущими читателями. Отчасти это общение – для меня терапевтическое: погружаясь в него, я забываю про окружающий мир. В текстах моих статей и книг я привожу множество деталей не только потому, что уже знаю многое, но и чтобы помочь читателю лучше понять, почувствовать людей, о которых пишу, и если эти детали представляются лишними, то лишь потому, что мне не удалось создать такой контакт. Может он родится при повторном чтении?..

Не удержусь от соблазна задать вопрос, традиционно адресуемый маститым авторам: Над чем вы работаете сейчас, Борис Зусманович?

После возвращения в социологию я постоянно много публиковался, но особенно продуктивным оказался 2005 год. В июне при поддержке Фонда «Общественное мнение» вышла 10-листовая книга «Первопроходцы мира мнений», а в декабре была закончена работа над 500-страничной рукописью «Отцов-основателей». Здесь неоценимую помощь оказал Франц Эдмундович Шереги, еще в самом начале моих историко-научных поисков по-дружески сказавший мне: «Пиши книгу, я ее издам».

Обе книги готовились к печати совместно с Наталией Яковлевной Мазлумяновой, сотрудницей Института социологии РАН и первоклассным редактором. Целый год между Москвой и Фостер-Сити летали электронные послания: мои тексты в одну сторону и редакционные замечания – в другую. Я очень благодарен ей за все сделанное.

Помимо книг в «Телескопе» и московских журналах были опубликованы ряд статей о прошлом и будущем опросной технологии, а также серия материалов по истории российской социологии. Такая интенсивность работы в последние годы вызвана рядом обстоятельств: приобретен опыт историко-биографических исследований, накоплен огромный материал, выработан определенный стиль письма, сложилась моя коммуникационная сеть. И, возможно, главное – именно в последние пару лет я в полной мере осознал, что я свободен в своей деятельности. Подобного чувства свободы я никогда не испытывал.

Такого темпа работы, какой был в 2005 году, мне сейчас не сохранить, да и надо ли? Необходимо оглядеться и уточнить стратегию... Во-первых, две названные книги были сделаны так быстро потому, что они – фрагменты внушительного, почти в 50 авторских листов, текста, над которым я работаю свыше четырех лет. Значит, предстоит найти способы для публикации многого из того, что уже написано. Во-вторых, у меня есть архивные материалы, которые не публиковались даже в Америке. Их надо изучить и описать. В-третьих, уже в самые последние месяцы обнаружился ряд сюжетов для новых раскопок; смогу ли я ими заняться? В-четвертых, в конце прошлого года я приступил к углубленному анализу становления американской рекламы. Ранее эта тема освещалась мною лишь в одном ключе: рассматривались предпосылки и первые опыты маркетинговых исследований, в которых зародилась технология изучения общественного мнения. Но в этой теме есть и другой аспект: она позволяет подойти к изучению истории формирования политических, более конкретно – электоральных установок. Наконец, набирает обороты проект по истории российской социологии, надо уточ-

нить его содержание и думать о подготовке книги.

Планов много, сохранится ли, как говорит Ядов, кураж?

Да, твоя судьба необычна. Нередко человек в подобной ситуации невольно отдаляется, отходит от прежних профессиональных интересов и коллег. Что скажешь по этому поводу?

Прошло более десяти лет после моего отъезда, но я считаю себя российским социологом, живущим в Америке. Конечно, моя судьба – нелегка, непроста; но ведь каждый скажет: жизнь прожить – не поле перейти. Мои профессиональные пристрастия и добрые отношения с людьми, с которыми я работал десятилетиями, общий оптимизм помогли мне выстоять и, надеюсь, уже в последние годы сказать что-то новое в науке. Меня это радует.

Литература

1. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999.
2. Докторов Б.З. «Я живу в двуедином пространстве...» // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 132–167.
3. Докторов Б. Б.А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп. 2004. № 4. С. 2–13.
4. Б.М. Фирсов «...О себе и своем разномыслии...» // Телескоп. 2005. № 1. С. 2–12.
5. Докторов Б.З. Россия в Европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.
6. Докторов Б. Дж. Гэллуп – наш современник: к 100-летию со дня рождения // Телескоп. 2000. № 2. С. 2–18.
7. Докторов Б.З. Джордж Гэллуп – наш современник. Тюмень: ТИМИЭП, 2001.
8. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
9. Быт великорусских крестьян-землепашцев: описание материалов этнографического бюро В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-составители Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993.
10. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллупа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
11. Докторов Б. Альберт Ласкер: «Я – всего лишь апостол очевидности» // Телескоп. 2005. № 6. С. 40–51.
12. Докторов Б., Мазлумянова Н. Рекламист в Америке – больше, чем рекламист. Телескоп. 2006. № 2. С. 26–37.
13. The new elite in post-communist Eastern Europe / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, B. Doktorov. College Station, Texas: Texas A&M University Press, 1999.
14. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.